

Белла Верникова

Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому*

О заседаниях ЛАО писал в газете «Одесские новости» молодой журналист Владимир Жаботинский, состоявший действительным членом общества с 1902 г. Привожу несколько названий его статей: «В литературно-художественном обществе» (6, 13 февраля 1902); «Перелом журналистики / Изложение реферата, читанного в Лит.-худож. Клубе 20 марта» (22 марта 1903); «Вскользь. О Литературно-худож. обществе» (10 октября 1903). В мемуарах поэта и переводчика Александра Биска приведено воспоминание о выступлении В. Жаботинского на заседании ЛАО, когда общество помещалось в бывшем дворце князя Гагарина.

В написанной в эмиграции, вышедшей в Париже в 1936 г. и вторым изданием в Нью-Йорке в 1947 г. повести В. Жаботинского «Пятеро» на титульном листе к фамилии автора добавлен одесский псевдоним начала 20-го века – ALTALENA (в переводе с итальянского – *качели*):

В. Жаботинский (ALTALENA). Пятеро / Иллюстрации худ. Mad'a. Париж: Книгоиздательство «ARS», 1936.

Иллюстрации к первому изданию, воссоздающие облик города, сделал эмигрировавший после революции, живший в Берлине и Париже одесский художник Михаил Дризо (Mad), о нем в журнале «Мигдаль» рассказала Ольга Барковская: «Мад, он же Михаил Александрович Дризо, родился в 1887 году в семье одесского врача. Еще студентом юридического факультета Новороссийского университета он начал публиковать свои рисунки в одесских газетах и журналах. Ко времени окончания университета Дризо

---

* Окончание. Начало в кн. 56.

приобрел опыт карикатуриста, псевдоним Мад (МАД, МАД) – и популярность. В итоге вместо respectable карьеры юриста он выбрал ненадежную судьбу газетчика. С тех пор рисунки Мада регулярно появлялись на страницах одесской прессы вплоть до конца 1919 года...».

В Одессу книга В. Жаботинского «Пятеро» пришла в начале 21 в. как значительный одесский текст русской литературы. Что отметил Евгений Голубовский в предисловии к первому одесскому изданию:

«И роман «Пятеро» приходит спустя шестьдесят пять лет на «золотую полку» русской литературы, одесского мифа живым романом, ставшим не историей литературы, а современной литературой».

Следует сказать, что Владимир Жаботинский в тексте именует «Пятеро» повестью, вот ее финал: «Потешный был город; но и смех – тоже ласка. Впрочем, вероятно, той Одессы уж давно нет и в помине, и нечего жалеть, что я туда не попаду; и вообще повесть кончена». Но изданная на Западе, где нет жанра «повесть», книга получила жанровое определение «роман».

3-я глава повести «Пятеро», посвященная ЛАО, называется «В литературке», ее фрагмент позволяет ощутить атмосферу времени и мемориальный характер здания Одесского литературного музея:

В конце 19-го в., не окончив гимназии, Владимир Жаботинский при содействии одесского писателя и драматурга Александра Федорова становится зарубежным корреспондентом одесских газет, о чем имеется воспоминание в «Повести моих дней»: «В эти дни в Одессе жил Александр Федоров, известный русский поэт. Он увидел перевод «Ворона», пригласил меня к себе, ободрил меня и представил редактору газеты «Одесский листок». Я спросил последнего: «Стали бы вы публиковать мои корреспонденции из-за границы?» И получил ответ: «Возможно. При двух условиях: если вы будете писать из столицы, в которой у нас нет другого корреспондента, и если не будете писать глупостей». В. Жаботинский едет сначала в Берн, через полгода переезжает в Рим, где слушает лекции на юридическом факультете Бернского и Римского университетов. С ноября 1898 г. по март 1900 г.

в «Одесском листке» печатались корреспонденции В. Жаботинского из Италии, среди них очерк «Римское гетто». В мемуарах он отметил, что пребывание в Италии способствовало становлению его сионистских убеждений: «Легенда о Гарибальди, сочинения Мадзини, поэзия Леопарди и Джустини обогатили и углубили мой практический сионизм и из инстинктивного чувства превратили его в мировоззрение».

С марта 1900 г. Владимир Жаботинский был зарубежным корреспондентом газеты «Одесские новости». По август 1901 г. здесь печатались его корреспонденции из Италии под общим заголовком «Рим», за подписью ALTALENA и с указанием «от наш. корресп.» Вернувшись в Одессу летом 1901 г., он продолжает работать в «Одесских новостях», где в 1901-1903 гг. под псевдонимом ALTALENA вел колонку фельетона «Вскользь» и публиковал театральные рецензии за подписью А, Алт., Alt.

О легкости стиля и занимательности рубрики В. Жаботинского «Вскользь» в «Одесских новостях» 1901-1903 гг. можно судить по фрагменту его фельетона «О криминалистах»:

«Анекдот, за правдивость которого не ручаюсь.

Паола Ломброзо, дочь своего отца, приехала в Вену и остановилась в гостинице. Смотрит – пропал саквояж. Паола Ломброзо вызвала к себе хозяина гостиницы и сказала:

– Распорядитесь об аресте номерного Фрица.

– Почему?

– Потому что номерной Фриц – тип врожденной преступности. У него квадратная челюсть и висячие мочки ушей. Лицевой угол еще симптоматичнее. В строении затылка, правда, замечается отклонение от преступного типа в сторону нормальности, но это – ничто перед возмутительностью лицевого угла – чуть ли не шестьдесят градусов! Позовите полицию!

Хозяин не пожелал.

Паола Ломброзо начала волноваться.

Номерной Фриц обиделся и забушевал во все лопатки своего преступного темперамента, причем Паола Ломброзо констатировала у него подвижность ушных раковин и с новым пылом потребовала:

– Полицию сюда!

И вдруг оказалось, что саквояж был просто забыт на вокзале...».

Как пишет Е.М. Голубовский в предисловии к одесскому изданию книги «Пятеро», под псевдонимом «Альталена» Владимир Жаботинский публикует в «Одесских новостях» сотни эссе – тогда их называли фельетонами.

В. Жаботинский, как и другие литераторы-евреи, работавшие в русской журналистике на рубеже веков, полностью отождествлял себя с русской и европейской культурой и в то же время соответствовал уровню читательских ожиданий. В Одессе значительное число читателей городских газет составляли евреи, как отошедшие от еврейства, так и проявляющие интерес к состоянию еврейского вопроса в России.

Начальный период литературной деятельности Владимира Евгеньевича Жаботинского как русского писателя представлен в одесских и общерусских изданиях первого десятилетия 20-го века: в шедших в одесском городском театре двух его пьесах «Кровь» и «Ладно» (одна из них 1901 г. издания: Altalena. Министр Гамм (Кровь). В 3-х картинах. На сюжет «Sangue», *dramma sociale di R. Lombardo*. Од.: Типография «Одесских новостей», 1901); в публикации перевода стихотворения «Ворон» Эдгара По в одесском сборнике «Наши вечера» (1903) и его перепечатках в нескольких выпусках популярного российского сборника «Чтец-Декламатор»; в сборнике новелл «В студенческой богеме» (Вл. Жаботинский. В студенческой богеме: Новеллы. Од.: С.В. Можаровский [1903]).

Наряду с деятельностью русского литератора Владимир Жаботинский в первые годы 20-го века принимает участие в еврейской общественной жизни Одессы. В августе 1903 г. В. Жаботинский был послан делегатом от одесского сионистского кружка «Эрец-Исроель», которым руководил Соломон (Шломо) Давидович Зальцман, известный издатель, на 6-й сионистский конгресс в Базеле и освещал ход конгресса в «Одесских новостях» в статьях с подзаголовком «От нашего корреспондента» (15, 19, 20, 23 августа 1903 г.). После конгресса он совершил поездку по Италии, давшую материал для «Очерков одного «счастливого» гетто».

Если в рубрике «Вскользь» В. Жаботинский представил традиционный для одесской журналистики тип легкого фельетона, скользящего по поверхности явлений и событий, то другая традиция одесской прессы – освещение состояния русского еврейства и еврейской общины Одессы – находит продолжение в его сионистских статьях в той же газете «Одесские новости» 1902-1903 гг., подписанных фамилией или инициалами, см. напр.:

- [О сионизме] // ОН. 8 сентября 1902.
- Накануне конгресса. Базель 9/22 августа / От нашего корреспондента // ОН. 15 августа 1903.
- Базельские впечатления. 6 Конгресс сионистов / От нашего корреспондента // ОН. 19 августа 1903.
- Базельские впечатления. «Мизрахи» / От нашего корреспондента // ОН. 20 августа 1903.
- Базельские впечатления. Герцль и Neinsager'ы // ОН. 23 августа 1903.
- Палестина // ОН. 5 декабря 1903.
- К покушению на Макса Нордау // ОН. 9 декабря 1903.
- Вторая услуга / Голос сиониста // ОН. 16 декабря 1903.

Еще до кишиневского погрома 1903 г. В. Жаботинский писал в «Одесских новостях» о сионизме, участвовал в организации еврейской самообороны в Одессе, выступал в еврейском просветительском обществе «Беседа» с докладом, развивающим идеи «Автоэмансипации» Л. Пинскера, о чем в мемуарах «Книга жизни» вспоминает С.М. Дубнов:

«Был вечер 7 апреля 1903 года, второй вечер православной Пасхи. Из-за праздников газеты уже второй день не выходили, и мы не знали, что делается на свете. Узнали мы только кое-что от живых газет в этот вечер, когда публика собралась в клубе «Беседа», чтобы выслушать доклад юного сиониста, одесского «вундеркинда» В. Жаботинского, писавшего под псевдонимом Альталена шаловливые фельетоны в одесских газетах. То была одна из первых агитационных речей даровитого оратора, впоследствии вождя сионистов-максималистов. Речь представляла собою красивый фельетон на тему «Автоэмансипации» Пинскера... Молодой агитатор имел успех у публики, но на меня эта односторонняя трактовка нашей исторической проблемы произвела

удручающее впечатление: много ли нужно, чтобы внушить колеблющейся еврейской молодежи страх перед собственной национальной тенью?.. Во время перерыва, когда я ходил по соседнему залу, я услышал среди возбужденной публики тревожную весть: сегодня прибыли в Одессу беженцы из близкого Кишинева и рассказали, что там идет кровавый погром».

В. Жаботинский как корреспондент газеты «Одесские новости» был направлен в Кишинева для передачи пожертвований, полученных редакцией газеты в помощь пострадавшим от погрома, там он познакомился с Хаимом Нахманом Бяликом и российскими деятелями сионистского движения. Вскоре он перевел с иврита на русский язык поэму Бялика о погроме, перевод был впервые напечатан в Одессе в 1906 г. (Х.Н. Бялик. Сказание о Немирове. [Перевод В. Жаботинского]. Од.: Кадима, 1906). Этот перевод, вышедший в Петербурге двумя изданиями в 1911 и 1912 гг. (Х.Н. Бялик. Песни и поэмы / Авториз. пер. с евр. и введ. Вл. Жаботинского. СПб.: тип. Акц. общ. типографск. дела, 1911), принес Хаиму Нахману Бялику широкую известность в русской литературной среде. О чем пишет сотрудник Одесского литмузея Анна Мисюк в предисловии к изданной в Одессе в 2000 г. книге поэзии Х.Н. Бялика в переводах В. Жаботинского.

В посмертном очерке об отце Ари Жаботинского, сына Владимира Жаботинского и Анны Гальпериной (родился в Одессе в 1910 г.), напечатанном в сборнике «Еврейский мир» (Нью-Йорк, 1944) за подписью И. Гальперин, перечислены статьи и книги В.Е. Жаботинского, изданные в эмиграции на русском языке, и упоминаются лекции, прочитанные по-русски:

«Жаботинский и вне России не порывал с русским языком и русским еврейством в эмиграции (для советской России его имя, как, впрочем, вообще все, что связано с юдаизмом и сионизмом, было – и остается и сейчас – табу). Роль «Рассвета», выходившего в Берлине, а потом в Париже, общеизвестна. В Париже вышли на русском языке «Слово о полку», повесть «Пятеро» (1936), три сборника – «Рассказы», «Causeries» и «Стихи» (1930). В Берлине С.Д. Зальцман издал «Фельетоны», «Чужбину» – напечатанную еще в Петербурге в 1908 году, но конфискованную тогда властями. Там же появился «Самсон Назорей» (1928).

Много фельетонов Жаботинский поместил в парижских «Последних новостях». Нередко он выступал в Париже на русском языке на общие темы – «Бунт стариков», «Кризис пролетариата», «Робот» и т. п. Даже в Нью-Йорке незадолго до его смерти состоялась его лекция на русском языке – «О грядущем Европы».

Подмеченное в мемуарах Дубнова сходство В. Жаботинского и Л. Пинскера выражалось не только в стремлении видеть евреев народом, живущим в своей стране, но и видеть их гордым народом. В петербургском еженедельнике «Русский еврей» 1880 г. Л. Пинскер писал: «Нам нужно просто относиться с уважением к своему племени как к народности, которая не имеет причин краснеть в ряду других национальностей». В середине 1930-х гг. в Германии вышла двумя изданиями на немецком языке брошюра Л. Пинскера «Автоэмансипация» с предисловием Иосифа Клаузнера «Гордый еврей». Тот же мотив присущ поэме Хаима Нахмана Бялика о погроме, переведенной Владимиром Жаботинским, см. мои минималистские стихи «О чем мечтали классики», опубликованные в 2006 г. в петербургском литературном интернет-журнале «Сетевая Словесность»:

Бялик мечтал о гордом еврее
и чтобы с иврита на русский
его переводил Жаботинский.

В последние десятилетия 19-го века Одесса укрепляет позиции крупнейшего в России центра еврейской литературы, где возрождался современный литературный и разговорный иврит. Исследователь и переводчик Х.Н. Бялика с иврита на английский язык Э. Спайсхандлер в статье «Одесса как литературный центр ивритской литературы» (англ.) выдвигает следующие критерии, позволяющие рассматривать город как литературный центр: наличие группы известных писателей, разделяющих общую литературную идеологию; сопутствующий им круг писателей, испытывающих влияние ведущей группы и признающих это влияние; ряд периодических изданий; одно или несколько издательств, открытых для этих писателей. И демонстрирует, что Одесса являлась центром ивритской литературы в период с 1881 по 1921 г.

В соответствии с указанными критериями можно считать, что Одесса с 1880-х гг. по первое десятилетие 20-го века являлась также центром русско-еврейской литературы, включавшей в свой жанровый состав прозу и поэзию (в терминах 19 в. – беллетристику), публицистику, в том числе литературную критику, иудаику и еврейскую историю. Возникновение термина «русско-еврейская литература» и становление этого феномена в ряду литератур с дефис-идентичностью (см. напр. китайско-американскую и японо-американскую литературы) в начале 1880-х годов было обусловлено процессом ассимиляции и аккультурации еврейского населения России – забвением еврейских языков иврита и идиш в среде образованных русских евреев и их отходом от насущных социальных и культурных проблем еврейской жизни. Как показано в моей диссертации и в статье «Русско-еврейская литература: трактовки и классификации», в ноябре 1879 г. в печатном органе русских евреев, петербургской газете «Рассвет», было опубликовано письмо одесского писателя Моше Лиленблюма с предложением «создать русско-еврейскую литературу, которая будет знакомить молодых образованных евреев, не знающих иврит и идиш, со славным и горестным прошлым еврейского народа, чтобы приблизить их к страждущей еврейской массе». Напечатанная в том же номере «Рассвета» редакционная статья «Необходимость создания русско-еврейской литературы» поддержала обращение М. Лиленблюма и в 1880-х годах интенсивно осуществляется становление русско-еврейской литературы, определяются ее цели, задачи, основные идейные и эстетические установки, видовой и жанровый состав, круг авторов, социальный статус и образовательный уровень читателей.

Притом, что в конце 19 – начале 20-го вв. происходит энциклопедическая фиксация термина «русско-еврейская литература» в Брокгаузе, в Большой энциклопедии, в Еврейской энциклопедии, критик русско-еврейского ежемесячного журнала «Восход» М.Н. Лазарев в публикации 1885 г. отметил условный характер ее отделения от русской литературы, вызванный «уродливым развитием русского еврейства», имея в виду правовое неравноправие русских евреев, способствовавшее многолетней антиеврейской клевете в российской прессе, вплоть до кровавого навета

и физической расправы погромов. В 1881-1982 гг., когда кровавое безумие еврейских погромов захватило Юго-Запад России, в петербургских газетах «Рассвет» и «Русский еврей» печатается хроника событий и публицистические статьи глубоко потрясенных происходящим писателей, среди них инициаторы создания русско-еврейской литературы публицисты М. Лиленблум, Л. Пинскер, С. Дубнов.

Произведения русско-еврейской литературы, созданные жившими в Одессе писателями, составляют забытый в советское время и возвращаемый современными исследователями компонент одесского текста. Что отметила в отзыве на мою диссертацию профессор Еврейского университета в Иерусалиме, изучающая творчество Владимира Набокова в контексте двойных идентичностей Леона Токер: «В дополнение к интересу, который представляет диссертация в исследовании мультикультурализма, двойной идентичности (дефис-идентичностей), истории сионизма и истории идей (например, период понимания еврейской «ассимиляции» не как стирание еврейской идентичности, но как открытость к проблемам страны в целом), она [диссертация Б. Верниковой] также участвует в процессе восстановления исторического и культурного наследия в России и Украине. Русско-еврейская литература, созданная в Одессе, получает признание в качестве важной части этого наследия».

Предложенная редакторами и корреспондентами в первых органах русских евреев «Рассвет» и «Сион», выходявших в Одессе в начале 1860 гг., двойная направленность русско-еврейских изданий сохранялась и в конце 19-го века. Один из создателей русско-еврейской литературы С.М. Дубнов считал основной задачей своей исторической работы «усиление национального сознания в еврее и установление правильных понятий о еврействе в уме нееврея».

В 1880-90-е гг. в Одессе жили, активно работали и печатались в российской периодике русско-еврейские публицисты Л.С. Пинскер, М.Л. Лиленблум, С.М. Дубнов, М.Г. Моргулис, Бен-Ами, связанные дружбой и литературно-общественными интересами с одесскими еврейскими писателями Менделе Мойхер-Сфоримом, И.Х. Равницким, Ахад-ха-Амом, Х.Н. Бяликом, И. Клаузнером.

Выступая в Одессе на юбилее М. Лиlienблума в 1903 г., Ахад-ха-Ам соотносил современную публицистику с библейской традицией: «Роль публициста заключается в том, чтобы обнаруживать отрицательные стороны, раскрывать недостатки, изъяны общественной жизни и указывать на заблуждения и ложные шаги. Так понимали свою публицистическую задачу наши пророки».

В одесской городской печати состоялся литературный дебют писателей-беллетристов Н.О. Пружанского, Д.Я. Айзмана, С.С. Юшкевича, Л.О. Кармена, Н.М. Осиповича, чье творчество современники относили как к русско-еврейской, так и к русской литературе. В Одессе прошли детство и юность дебютировавших в городской прессе и причастных к русско-еврейской литературе Владимира Жаботинского и историка еврейства Юлия Гессена, инициатора создания фундаментального собрания русской иудаики – Еврейской энциклопедии (1908-1915).

К благотворительным и одновременно просветительским организациям в Одессе относились: «Общество распространения просвещения между евреями в России» (Одесское отделение ОПЕ основано в 1867 г. при участии О. Рабиновича, Л. Пинскера, Е. Соловейчика и др., возобновило работу в 1878 г. при участии М. Моргулиса, Бен-Ами и др.); в 1897-1898 г. при нем действовала историко-литературная комиссия в составе: М.Г. Моргулис, С.М. Дубнов, Менделе Мойхер-Сфорим, Ахад-ха-Ам, Я.Л. Сакер; «Общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине» (основано в 1890 г. под председательством Л.С. Пинскера, в работе участвовали М.Л. Лиlienблум, М.Г. Моргулис, Бен-Ами, Ахад-ха-Ам); «Еврейское общество «Беседа» (создано в 1863 г.); «Общество взаимного вспомоществования приказчиков евреев в г. Одессе» и открытая при нем в 1875 г. библиотека, в формировании еврейского отдела которой в 1890-е гг. и в составлении каталога 1903 г. участвовали Ахад-ха-Ам, С.М. Дубнов, И.Х. Равницкий.

Жившие в Одессе литераторы, популяризаторы еврейской истории и литературы М.И. Базилевский, Л.М. Шахрай, С.С. Пен и др. стали авторами одесской историко-биографической серии «Наша старина» («Еврейская старина»). Как отмечает В. Кельнер, кроме Петербурга мощным русско-еврейским книгоиздательским

центром на рубеже 19-20 вв. была Одесса: «Многочисленное еврейское население города с его тяготением к русской культуре в сочетании с прочными национальными корнями породило уникальную культурную традицию. Провинциальный город на Украине стал наряду с Петербургом колыбелью новой русско-еврейской культуры. ...в городе существовало несколько крупных издательств, специализировавшихся на выпуске еврейской книги на русском языке. Крупнейшим из них было предприятие Я.Х. Шермана. В качестве издателя книжный магазин Шермана выступил в 1893 г. с исторической работой Л.М. Шахрая «Маккавеи». Эта брошюра открыла серию «Наша старина». Всего с 1893 г. по 1900 г. в этой серии вышло в свет не менее 30-ти научно-популярных брошюр по еврейской истории».

Заметный вклад в издание русско-еврейской литературы в Одессе внесли другие издательства и типографии, среди них: Издательство С.Д. Зальцмана, оно же – Издательство кружка «Эрец-Исроель» (Базарная, 95); Издательство, типография и книжный склад «Мория» (Большая Арнаутская, 42), Книгоиздательство М.С. Козмана. На обложках брошюр серии «Наша старина», «Еврейская старина» и других изданий русской иудаики, вышедших в Одессе в дореволюционное время и хранящихся в Национальной библиотеке Израиля в Иерусалиме, значатся также: Издательство Ахиасаф; Издательство Кадима; Типография и типолитография Гальперина и Швейцера; Русская типогр. Исаковича (угол Дерibasовской и Гаванной, соб. дом № 10); Типогр. Г.М. Левинсона, она же – «Тип. Торг. дома Г.М. Левинсон» (Ришельевская, 17); Типогр. Л. Нитче; Одесское отделение Общества распространения просвещения между евреями в России; Типогр. «Труд»; Тип. А. Шульце (Ланжероновская ул., д. Карузо № 36); Типогр. Л.О. Трецек и Н.Д. Слоущ; Тип.-Лит. Дыхно; Тип. штаба Одес. воен. окр.; Тип. газеты «Одесские новости»; Тип. Г. Бекеля; Типолитогр. Гурвич и Крохмаль; Типолитогр. «Универсаль»; Тип. Хакаловского; Тип. Б.М. Шапиро; Типолитогр. М.С. Гринберга и др.

Деятельным центром неформального общения русско-еврейских писателей был одесский литературный кружок Дубнова и Менделе Мойхер-Сфорима, которому посвящена глава из первого тома «Книги жизни» С. Дубнова «Наш литературный кружок

в Одессе». Проживший в Одессе тринадцать лет и плодотворно работавший в эти годы как публицист и историк, Семен Маркович Дубнов в мемуарном очерке, написанном после смерти Соломона Моисеевича Абрамовича-Менделе и напечатанном в эмигрантском еврейском сборнике «Сафрут» в берлинском издательстве С. Зальцмана с подробным упоминанием одесской топонимики, приводит эпизоды литературных споров и дружеского общения писателей, некоторые из которых стали классиками, а имена других незаслуженно забыты:

«То было поздней осенью 1890 года. Я только что переехал из Петербурга в Одессу... Из моей квартиры на том конце Базарной улицы, который примыкает к приморскому парку, – я отправился на другой конец, где улица, перерезывая Старый Базар, уходит в бедные кварталы, около «Толчка», и приближается к Молдаванке. Здесь, в старом большом доме, рядом с солдатскими казармами, занимала тогда целый этаж известная реформированная Талмуд-Тора, о которой писал еще гуманист Пирогов. Этажом выше была расположена квартира заведующего этим училищем, Соломона Моисеевича Абрамовича... Скоро у нас образовался маленький литературный кружок. Первоначально туда вошли, кроме нас двоих, старые одесские приятели Менделе – Бен-Ами и Равницкий, а позже к нему примкнули еще некоторые писатели и представители интеллигенции. В наших собраниях горячо дебатировались преимущественно литературные вопросы, а нередко и проблемы философии и религии. Но весной 1891 года нас больше волновали политические дела. Это было в пасхальные дни рокового года, в дни изгнания евреев из Москвы... Поэтически-грустное лето последовало за той бурною весной. Я поселился в немецкой колонии Люстдорф, на чудном берегу Черного моря, в двух часах езды от Одессы. Недалеко от меня поселился Шолом-Алейхем, который тогда вернулся в Одессу из-за границы, куда «бежал» после своего финансового банкротства в Киеве; он жил в пригородной даче на Большом Фонтане и по дороге в Люстдорф. Посреди лета к нам приехал и С.Г. Фруг, мой старый петербургский приятель, которого полиция лишила права жительства в столице, и он все лето скитался между Одессою и Люстдорфом. Рядом с нами поселился Бен-Ами. «Дедушка»

[Абрамович-Менделе] со своим верным спутником Равницким нередко наезжали к нам из города, забирая по пути «внука», Шолом-Алейхема. Помню одну прекрасную летнюю ночь после такой прогулки, во дворе моей дачи. Мы все сидели в беседке при свете августовских звезд и пели народные песни. Фруг прелестно спел «хасидскую» песню... В состоянии настоящего экстаза привела нас хасидская мелодия без слов, спетая Бен-Ами».

Здесь стоит пояснить, что на нашей памяти Большой Фонтан и Люстдорф уже не были пригородами, а входили в городскую черту. Эмоциональное воздействие одесской топонимики нашло выражение и в моем стихотворении, написанном в середине 1990-х гг. в Иерусалиме при чтении мемуаров Бен-Ами (Марк Яковлевич Рабинович), когда я собирала материалы для своей диссертации. Сегодня фрагменты воспоминаний Бен-Ами с моей подачи напечатаны в 13-м номере альманаха «Мория», а стихотворение «Флигель в Авчинниковском переулке» с цитатой из Бен-Ами и посвящением Евгению Михайловичу Голубовскому вошло в сборник стихов одесских поэтов «Глаголы настоящего времени» и представлено на сайте «Первый одесский портал»:

Флигель в Авчинниковском переулке

Е. Голубовскому

Детский сиротский еврейский приют
В семидесятых, но прошлого века.
Господи, где тот немытый калека,
К бедным и чистым его не берут.

Адрес знакомый и дом-инвалид,
В семидесятых моих рядом школа.
Мальчик еврейский, любитель футбола
Мячик гоняет, доволен на вид.

Собственно, как сообщает в строке
Автор, из нищего выбившись в люди,

Не было жизни в сиротском приюте,
Той, что приносит дары в узелке.
Собственно, сказано слогом иным –
«Собственно жизни, того, что одухотворяет
и волнует душу ребенка, здесь не было и в помине» –
и это заденет, и отошлет от сиротских видений
к собственным будням и страхам дневным.

Господи, что тебе чья-то судьба
При мириадах уже отлетевших,
Горько болевших и сладко поевших,
И в униженьи взрастивших хлеба.

Вот и понятен двойной псевдоним,
Выбранный гордо из местных наречий.
Легче ему, Бен-Ами не один,
Ладно, поплачь по иным, что далече.

В этом стихотворении, помимо прочего, выражено мироощущение нерелигиозного, или светского человека, как говорят в Израиле (здесь принята дихотомия: религиозный – светский) по отношению к Богу. Мое стихотворение характеризует ту форму секуляризации, которая складывалась в начале 20-го в. как в библейской критике и герменевтике, так и в умонастроениях, зафиксированных в выступлении Ахад-ха-Ама с рефератом о Моисее в одесском еврейском клубе «Беседа», о чем привожу фрагмент статьи С.М. Дубнова памяти Менделе:

«Библия была для него [Менделе Мойхер-Сфорима] святыней. Он допускал некоторые умеренные гипотезы библейской критики и сам часто делился со мною своими оригинальными толкованиями библейского текста, близкими к воззрениям критической школы. Но допуская библейскую критику как источник остроумных догадок, о которых можно вести частную беседу, он в ужасе отступал перед ее решительными выводами, проповедуемыми публично. Особенно возмущал его вывод о мифическом элементе в личности Моисея. Был такой случай. Весною 1903 года Ахад-Гаам [Ахад-ха-Ам] читал в еврейском клубе «Беседа» реферат о Моисее.

Он ясно развил ту мысль, что нам вовсе неважно знать, существовал ли Моисей или нет, потому что реальный Моисей есть именно тот, который живет в народной легенде, в умах сотен поколений как действенная историческая сила; тот же Моисей, который создается в лабораториях ученых критиков, есть реальность лишь для небольшой группы археологов, исследователей... После реферата, во время перерыва, я подошел к Менделе и увидел его задумчиво сидящим где-то в углу большого зала, по которому шумно двигалась публика. Я спросил его, что он думает о реферате. Он взглянул на меня и сердито сказал: «В Торе сказано, что место погребения Моисея никому не известно, а я сейчас открыл это место: Моисей только что похоронен в клубе «Беседа» руками Ахад-Гаама». Только оскорбленное религиозное чувство могло продиктовать эти суровые слова. Я старался ему доказать, что он не вник в основную мысль доклада, что референт, напротив, провозгласил традиционного Моисея реальностью, как живой образ, сотканный с народным сознанием, и что это во всяком случае важный корректив к крайним выводам библейской критики. Но Менделе и слушать не хотел: он не допускал даже условного сомнения в подлинности библейского Моисея как личности, жившей в действительности, а не только в народных представлениях, и видел в подобных рассуждениях подкоп под дорожную ему святыню».

Воспоминания С.М. Дубнова фиксируют основной мотив изучения городского литературного текста – воздействие города на писателей и воздействие писателей на город. Воздействие города проявляется и в наличии центров литературного общения, в начале 20 века в Одессе к ним относились Литературно-художественное общество ЛАО, редакция газеты «Одесские новости», еврейский клуб «Беседа», кружок Дубнова-Менделе и др. Одним из участников ЛАО, его действительным членом с 1900 г. был писатель и журналист, сотрудник петербургского «Рассвета» в 1880-е годы Григорий Лифшиц. О его выступлениях в «Литературке» вспоминает уехавший в эмиграцию поэт и переводчик Рильке Александр Биск, отец французского поэта Алена Боске, в мемуарах, напечатанных в сборнике Одесского литературного музея: «он стал говорить и говорил блестяще. Это был присяжный оратор Литературки еврейский писатель Гершон бен Гершон, в миру

Григорий Григорьевич Лившиц (Лифшиц. – **Б. В.**). Не было четверга, на котором бы он не выступал. Он мог говорить о чем угодно, и всегда интересно. Конечно, он был против модернистских течений и однажды в ответ на упрек в своей отсталости возразил: «Но, господа, ведь книги – не яйца, которые надо подавать на стол каждый день свежие». Известный конферансье Алексеев, Алеша Лившиц – его сын».

А. Биск называет Григория Лифшица еврейским писателем, видимо, потому, что тот работал в русско-еврейской прессе, хотя очевидно, что постоянные выступления в городском литературно-артистическом обществе на общие темы (к примеру, о модернизме в литературе), свидетельствуют о причастности Г. Лифшица к русской литературной жизни. Григорий Лифшиц имеет непосредственное отношение к значительному феномену одесского текста русской литературы – трехтомному собранию сочинений Осипа Рабиновича, изданному в 1880-е гг. в Петербурге и Одессе при поддержке Одесского еврейского общества «Труд» и способствовавшему формированию русско-еврейской литературы. Критик «Одесского вестника» 1880-х гг. Сергей Иванович Сычевский в статьях, рецензирующих это издание, подчеркнув заслуги писателя в деле защиты российского еврейства, характеризует Осипа Рабиновича как талантливого беллетриста, внесшего заметный вклад в русскую литературу.

Как сказано в моей статье «Русско-еврейская литература: трактовки и классификации», предисловие составителя трехтомника О. Рабиновича одесского публициста Михаила Моргулиса было одним из ранних текстов, содержащих кодификацию русско-еврейской литературы. «Подход Моргулиса был развит Григорием Лифшицем, сотрудником петербургского «Рассвета», печатавшим статьи и беллетристику под псевдонимами Гершон-бен-Гершон, Г.-б.-Г., Г. Л., Л-цъ, – его рецензия на 1-й том сочинений О. Рабиновича озаглавлена «Пионер русско-еврейской литературы». Критик относит творчество Осипа Рабиновича к раннему периоду русско-еврейской литературы, включая в корпус произведений этой литературы и его прозу, которая соответствовала поставленной перед писателями задаче – знакомить молодых еврейских читателей с прошлым и настоящим русского еврейства...

Следует сказать, что Осип Рабинович и Илья Оршанский не считали себя русско-еврейскими писателями, так как подобных определений не существовало при их жизни. Рабинович печатал свою прозу еврейской тематики в общерусских литературных журналах и воспринимался критиками как русский писатель».

В упомянутой статье критика «Восхода» М. Лазарева отмечалось, что отделение русско-еврейской литературы от русской было искусственным, вызванным неравноправным положением русского еврейства. Но это отделение произошло, русско-еврейская литература, возникшая в 1880-е гг., включала в свой жанровый состав злободневную публицистику по еврейскому вопросу, еврейскую историю и иудаику, поэзию и прозу; публиковалась в дореволюционных русско-еврейских газетах и журналах, издавалась в еврейских издательствах, нашла своих кодификаторов и классификаторов. Так, С. Дубнов классифицировал русско-еврейскую литературу как одну из трех ветвей еврейской литературы, выходящей в России на трех языках – иврите, идиш и русском. 1880-ми – началом 1920-х гг. определяются хронологические рамки реального и плодотворного существования русско-еврейской литературы, «функционально связанной с печатными органами русских евреев. С их закрытием русско-еврейская литература сходит на нет, становясь на исходе XX века предметом исследований и отвлеченных построений» [автоцитата].

В то же время процессы аккультурации русского еврейства привели к тому, что художественное творчество писателей-евреев, работавших в русской литературе, становилось все заметнее, как было с одесскими прозаиком и драматургом С.С. Юшкевичем, получившим как русский писатель широкую всероссийскую известность в предреволюционное десятилетие. Значительность произведений Семена Юшкевича и принадлежность их к одесскому тексту русской литературы признавалась его современниками. Как отмечено в моей статье в нью-йоркском журнале «Слово/Word»: «В некрологе, опубликованном в парижской газете видным писателем русской эмиграции Борисом Константиновичем Зайцевым, также забытым в советское время, подчеркнута органичность таланта С.С. Юшкевича, обусловленная его одесским бэкграундом». Далее приведен текст Бориса Зайцева:

«Я много лет знал покойного Семена Соломоновича, но впервые его «почувствовал» как следует и, быть может, понял, лет десять назад, в Москве, – мы встречались довольно часто в пестром и шумном предреволюционном кафе Бома... Да, Юшкевич был писатель «региональный». Лучшее в его писании связано именно с русским югом, с Одессой, с ее живым, нервным, говорливым и бурливым народом. Юшкевич, будучи евреем, нередко будто бы евреев задевал в своем писании, давал так называемые «отрицательные типы» («Леон Дрей») и даже, кажется, в еврейских кругах это ему ставили в некий минус. Если стоять на этой точке зрения, то следовало бы нашего Гоголя совсем заклевать – уж кажется, ни одного порядочного русского на сцене не показал. Конечно, у Юшкевича была сатира (и, кстати, он как раз Гоголя очень ценил и сам весьма тяготел к гротеску) – но подо всем этим, конечно, пламенная, кровная, органическая любовь к своему народу. Юшкевич был органический писатель, в этом его главная сила, он достигает наибольшего тогда, когда живописует художнически – любимых им людей Одессы, когда дает неподражаемый их язык, трепет и нервность, и неправильность этого языка, и их облики, сплошь живые.

Вот потому, что он был такой кровный и настоящий, ему пришлось столь трудно за границей, в том Париже, который он знал с молодости, – но где нет Одессы. В одном небольшом его очерке, уже здесь, в эмиграции, трогательно и ярко изображена тоска двух одесситов по Одессе. Все тут хорошо, а там лучше, и акации, и море, и Фанкони... Если угодно, это древний плач на реках вавилонских. Возможно, что в каждой еврейской душе есть тоска по Земле обетованной и горечь безродности. Для Юшкевича жизнь так сложилась, что на склоне лет солнечная и веселая, разноразноязычно-пестрая и яркая Одесса была отнята у него, и его плач стал еще пронзительней».

В моей статье в журнале «Слово/Word» отмечено, что наряду с отдельными изданиями С. Юшкевич публиковал свою прозу еврейской тематики и проблематики в петербургских сборниках товарищества «Знание», где «в 1903-1905 гг. вместе с Семёном Юшкевичем печатались лучшие русские писатели – А. Чехов («Вишневый сад»), И. Бунин («Чернозем», «Памяти Чехова», стихи), М. Горький («Дачники»), А. Куприн («Поединок»)».

Исаак Бабель с начала своей писательской карьеры также считал себя русским писателем, что видно из рассмотренных в этой статье очерка «Мои листки. Одесса» и воспоминаний сына К. Паустовского о создании Бабелем и Паустовским в 1921 г. устава клуба одесских литераторов под девизом «Литераторы, назад к литературе!». И.Э. Бабель, К.Г. Паустовский, а также С.С. Юшкевич представлены в современных словарях русских писателей, начиная с изданного в 1990 г. в Москве двухтомного библиографического словаря «Русские писатели» (под редакцией П.А. Николаева).

Пишущие по-русски поэты и прозаики живут сегодня в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья, в связи с чем возникают новые определения литературной идентичности, как в моем эссе, содержащем отклик на рецензию Феликса Гойхмана о книге стихов «Звук и слово», изданной в Иерусалиме:

«К писателям, начинающим литературную работу в одной стране и продолжающим ее в другой, применимо несколько локально-культурных определений. Мы с Феликсом Гойхманом, являясь израильскими писателями, работающими на русском языке, или, в глазах одесских читателей, одесскими поэтами, пребывающими в дальнем зарубежье, остаемся русскими поэтами по языку и культурной традиции. Это означает, что базовые культурные модели и направляющие образцы получены нами из русской поэзии, а не из германоязычной немецкой и английской или романоязычной итальянской и французской поэзии, где подобные модели также присутствуют».

Как показано в данной статье, я отношу свою поэзию и эссеистику к одесскому тексту русской литературы, соответственно, ко мне применимы различные определения – русский писатель, одесский писатель, израильский писатель, пишущий по-русски. Так, в изданный в 2013 г. сборник стихов одесских поэтов «Глаголы настоящего времени», который собирался и обсуждался в социальной сети Фейсбук, поскольку его авторы живут в разных странах, вошли мои стихи, написанные в Израиле, в том числе приведенное выше стихотворение с одесской топонимикой «Флигель в Авчинниковском переулке».

В опубликованном в 2002-2003 гг. в израильской газете «Вести» и одесском альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» эссе

«Разговор с автоответчиком» я привожу фрагмент рецензии из газеты «Московские ведомости» на роман Осипа Рабиновича «Калейдоскоп», первая часть которого вышла в петербургском ежемесячном журнале «Русское Слово» (1860, № 6). В газетной рецензии 1860 г. воссоздан уровень читательских ожиданий тех лет при чтении прозы, героями которой были евреи низкого социального происхождения:

«– Ах, Боже мой! неужели вы это говорите о романе г. Рабиновича? – слышится нам голос какой-нибудь дамы, читающей романы, или кавалера, приходящего в азарт от одного имени еврея. – Помилуйте, что за общество! Что за личности вывел автор в своем романе! Какие-то шарманщики, кукольные комедианты, содержатели сельских трактиров, а героинею своего романа сделал девчонку, чуть не канатную плясунью, какую-то ломаку, да еще вдобавок все главные лица – жида да жидовки! Полноте, не смешите... Да это просто грязь, одна грязь, фи!.. скверно даже подумать, только плюнешь да перекрестишься! Помилуйте, такую сволочь набрать для романа? Понимаете ли, для романа? Ведь роман в некотором роде поэзия, а поэзия, вам известно, чем должна отличаться? Поэзия должна отличаться изящностью; в ней все должно блистать, просто блистать красотой, поражать, так сказать, благородством, величием образов, дышать в некотором роде ароматом...»

К началу 20-го века происходящие в российском обществе изменения сословной, национальной и профессиональной иерархии влияют на литературу, способствуют ее стилистическому и содержательному разнообразию. Как пишет Димитрий Сегал в предисловии к изданному в Еврейском университете в Иерусалиме с комментариями Владимира Хазана двухтомному собранию сочинений жившего в Париже поэта-эмигранта Довида Кнута:

«Эволюцию эту можно описать одним словом: обогащение. Декаденты и символисты были теми, кто начал это обогащение, это движение вширь и вглубь, это расширение границ русской культуры. В сущности, начал это движение, по большому счету, еще Лев Толстой, как это и ни звучит парадоксально... Превращение русского языка под пером Толстого-проповедника в принципиально новый стилевой и коммуникационный инструмент

открыло дорогу к необычайному расширению понятия стилевой литературной нормы. ...процесс проникновения еврейских тем, мотивов и, особенно, языковых употреблений в русскую литературу, в том числе и поэзию, был настолько массивным и активным, что затронул самые массовые, с одной стороны, и самые престижные, с другой, литературные структуры. Газетная публицистика в 10-е годы вся находилась под влиянием таких авторов, как Влас Дорошевич, чей стиль впитал особенности южнорусской речи... Более того, даже стилистические находки молодого В. Маяковского во многом были основаны на том же «южнорусском» говорке: «Иду – красивый, двадцатидвухлетний!».

Действительно, героем самого модернистского романа 20-го века («Улисс» Дж. Джойса) становится еврей Леопольд Блум, а «низкий» мотив «девчонки, канатной плясуньи» Осипа Рабиновича в одесской литературе разрабатывает Юрий Олеша, создав в повести-сказке «Три толстяка» юную циркачку Суок.

Иерусалим

